

18+

Пётр Теплицын
ПОВОРОТ

*Фатальное рандеву
с необъяснимым*

Пётр Теплицын Поворот. Фатальное рандеву с необъяснимым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55560791

ISBN 9785449892973

Аннотация

Следователь Нестеров по личным причинам попал в опалу. Его отправляют работать в небольшой город Нашинск, где когда-то началась его карьера. Дмитрий надеется на скорое возвращение, но городок приготовил страшное испытание.

Содержание

Пролог	5
Повесть	12
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Поворот
Фатальное randevу
с необъяснимым**

Пётр Теплицын

© Пётр Теплицын, 2020

ISBN 978-5-4498-9297-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Вот! Новый поворот! И мотор ревёт!¹ – водитель фуры, без ума от творчества музыкантов времён его юности, с душой подпевал голосу из магнитолы. Он вёл машину мимо Нашинска – районного центра в двухстах километрах от столицы. Эта автодорога вела к Зареченску, следующему районному городку, и периодически использовалась дальнобойщиками как альтернатива федеральной трассе. Здесь было меньше камер, да и экипажи дорожно-патрульной службы предпочитали более оживленные места. В унисон словам песни машина миновала дорожный знак, который подсказывал приближение к повороту налево на деревню Старая Роща через пару километров. Главная дорога принимала затяжной изгиб вправо. Сентябрьский туман навалился на землю в предрассветной синеве.

Короткую цепочку событий, которые пронесутся в следующие тридцать секунд, водитель фуры запомнил на всю жизнь.

«Надо же, кому-то не спится в пять утра», – дальнобойщик, зевая, заметил сквозь паутину тумана велосипедиста. Тот катился от деревни к трассе по ухабам второстепенной грунтовки. Шофёр попытался припомнить, когда он сам по-

¹ Слова песни «Поворот» гр. Машина времени (1979 г.)

следний раз ездил на велосипеде, но его мысли прервали вспышки ксеноновых ламп позади фуры.

– Ну что за недержание? – водитель скосил глаза в зеркало и заворчал по поводу гонщиков, которые присаживаются на хвост твоей машины и требуют освободить им путь, даже если освобождать некуда. Как сейчас, когда обочина почти вертикальным скосом уходила в овраг. Но хищный силуэт иномарки чуть не выпрыгивал из зеркала, продолжая мигать дальним светом.

– Обойдёшься... Выйдем на прямую, там уступлю... Может быть... Куда ты дёрнул, шизанутый?! – не дождав-шись за эти секунды понимания от фуры, легковушка пошла на обгон по внешней стороне изгиба дороги. Дальнобойщик попеременно покидал глаза на велосипедиста и обратно на легковушку. – Ты его-то не видишь, что ли!?

Шофёр надавил на клаксон, фура загудела. Велосипедист к этому времени уже выехал на асфальт, спешился и засуетился. Он стал что-то снимать с багажника, но через секунду иномарка налетела на него, и под её белоснежной мордой поднялся столб пыли. Что-то отлетело в сторону, легковушка вильнула, но быстро выровнялась.

Из-за приличной шумоизоляции скандинавского тяжеловоза водитель фуры не слышал удара. Матерясь, он дал по тормозам, колёса загремели по правой обочине, грузовик остановился. Водитель включил «аварийку», дёрнул ручник и выпрыгнул из кабины.

– Сука, ушёл, что ли? – дальнобойщик бежал к месту столкновения, глядя вслед красным диодам иномарки.

Сквозь мокрую траву он бросился в кювет. Метрах в пяти от дороги что-то хрипел велосипедист, но кровь во рту не давала связать и пары слогов. Худо было с глазом жертвы, но из-за комьев грязи и крови не видно, насколько именно. «Сына...» – разобрал дальнобойщик хрипы, подойдя ближе. Он поднялся, повертел головой и увидел неподалёку тело мальчишки, похожее на поломанную пластиковую куклу. Признаков жизни не было, как и крови. Дальнобойщик зашарил по карманам и сквозь мат начал набирать номера экстренных служб. Потом присел на корточки и проорал в трубку:

– Алло, срочно «скорую»! Авария на повороте у Старой Рощи! Пострадавших двое, один ещё живой, быстрее!

Жёлто-оранжевый занавес сухих осенних листьев сползает на асфальт с тёмного неба. В этом заторможенном спектакле я не слышу ни звука, но вижу всё до мельчайших деталей, будто сразу на 360 градусов. Это место аварии. Вокруг на людях, предметах и в лужах отблески синих огней патрульной машины полиции и скорой. По краю дороги равнодушно тянется цепочка автомобилей, их водители и пассажиры разглядывают смятый, как старая канцелярская скреп-

ка, велосипед и пятна крови. Запыхавшийся инспектор нервно докладывается по рации.

Сегодня утром мы погибли. Я, Вячеслав Навин, и мой сын Ванька. Поехали на рыбалку. Сына, сына... На буднях работа, дела, поэтому некогда. А он просил, всю неделю планировал этот поход. Деловито собирал рюкзачок и даже исправил двойку по ненавистной математике, такой уж был уговор.

Ванька, драгоценность моя! Я смотрел на тебя и видел себя. Видел, как мои мечты сбудутся. Как на пьедестале моих несбывшихся побед ты выстрелишь шампанским и поднимешь над головой все кубки, которые захочешь. Как сдашь на права и прокатишь старика на пассажирском сиденье. Как получишь диплом в институте, и мы отметим это шумно всей родней. Как познакомишь с невестой, и мы с ней вместе посмеёмся над твоими детскими фотографиями. Как мы с твоей мамой приедем забирать её из роддома с внучкой, а потом снова спохватимся среди ночи на крик проснувшегося младенчика. Как пройдёт ещё много лет, и я с пенсии выдам внучатам на мороженое. Как произошло, что теперь этого всего не будет? Как такие счастливые моменты могут перестать быть будущим?

В сумеречной синеве, едва мы выехали на асфальт, здоровенная ревущая мотором гадина вылетела из-за грузовика, слепя глаза. Я слишком поздно её заметил. Заболтались. Ванька спросил, сможем ли мы огонь без спичек добыть. «Сможем, сына, сможем. На телефон снимем и покажем на-

шим девчонкам». Теперь не покажем. Теперь им, его маме и сестре, моей жене и дочке, покажут, наверное, наши тела и спросят: «Опознаете?». Почему мы? За что?

А вот свидетель, дальнбойщик, машет руками, что-то активно объясняет инспектору про белую иномарку со столичным номером. Тоже, наверное, ребёнок есть, раз слезу пустил мужик. А вот в убогий фургон «ритуалки» грузят моё тело. Но я на себя не смотрю. Я остаюсь здесь. И не уйду, пока не найду его. Ты же проедешь тут ещё хотя бы раз.

Спустя два дня после аварии усилиями тогдашнего начальника следствия отдела внутренних дел Нашинского района Анатолия Градобоева состоялось интервью со вдовой погибшего велосипедиста с участием следователя, которому поручили вести уголовное дело. Душераздирающая история об отце и сыне, которые рано утром отправились на рыбалку, а вместо этого закончили жизни под колёсами машины, всколыхнула ни много ни мало всю область. Выходили ролики, заметки в газетах и веера новостей в социальных сетях с просьбой откликнуться кого-нибудь, кто обладает информацией о виновном.

Следователь Евгений Кареев проделал титаническую работу. Он кропотливо изучал записи камер на предполагаемых путях отхода преступника и его прибытия к месту ава-

рии. Через два месяца следователь наизусть помнил все автомобили, ездившие в тот день по маршруту Нашинск-Зареченск, неоднократно допрашивал единственного свидетеля – водителя фуры. По слухам, того даже свозили на сеанс гипноза в попытке достать из памяти случайно запавшие туда, может быть, цифры номера злосчастной машины. Градобоев в очередном интервью отмечал, что найти и привлечь к ответственности скрывшегося водителя – дело чести не только каждого правоохранителя, но и всех, кому дороги слова «семья», «дети» и «жизнь».

Слова словами, да только ничего не получалось. Нашёлся подозрительный грузовик в Зареченске, в кузов которого помещалась практически любая легковушка. Он, судя по камерам, через полчаса после аварии выехал в направлении Нашинска, но туда не доехал, а спустя полтора часа уже возвращался обратно. Хозяин грузовика отрицал любые подозрения и твердил, что ездил за грибами. Его проверили с головы до пят, буквально от момента зачатия и до наших дней, но ничего действительно стоящего не нашлось.

Так же тщательно обследовалось и место аварии – до травинки. Сначала полицейские, а потом добровольцы перебрали каждый метр, но каких-то деталей, указывающих хотя бы на марку машины-убийцы, не было. Скрепя сердце, после 11 месяцев расследования и бессонных ночей Кареев поставил свою подпись под постановлением о приостановлении следствия за отсутствием обвиняемого.

Дальше были жалобы. Вдова писала Градобоеву, его начальству, в областное МВД, прокуратуру, разным депутатам и президенту. Каждый, кто читал её письма, ни секунды не задумываясь, бросил бы виновника аварии за решётку, даже без суда и следствия. Но, увы, каждый вынужден был излагать на бумаге сухим канцелярским языком, что все законные средства поиска виновного исчерпаны и остаётся только ждать, что преступник сам допустит оплошность и выдаст себя.

Надеяться на совесть твари, покинувшей на окровавленной машине место смерти двух людей, не приходилось. Он где-то жил своей жизнью. Может, боялся разоблачения, а может, и нет. Может, и по сей день смертоносный белый кузов красуется в потоке автомобилей, а его хозяин думает о планах на завтра.

Шло время после окончания следствия, все постепенно забывали этот трагический случай. И когда первая белая иномарка со столичной комбинацией цифр в номере на том же месте слетела без видимых причин в кювет, никто не думал, что здесь есть какая-то связь.

Повесть

Безупречно чистый чёрный кузов японского внедорожника остановился напротив двухэтажного здания полиции Нашинского района. Вокруг в прохладе сентябрьского утра под лучами яркого солнца, шли на работу люди, сновали машины. Водитель джипа доел яблоко, которое закончилось аккуратно вместе с треком на радио, посмотрел на часы и заглушил двигатель. «Вот моя деревня, вот мой дом родной»² – вертелось в голове Дмитрия Нестерова, старшего следователя контрольного отдела областного управления МВД. Здесь, в Нашинске, после окончания института и службы в армии, он начал карьеру, женился, стал отцом.

Сколько раз он за те годы приезжал сюда строго к половине восьмого утра, паркуясь на этом же месте. Сколько жуликов уехали отсюда под конвоем в суд, а потом по колониям, благодаря его работе. Сколько раз вон в том кафе «Жигули» на повороте к фабрике он с коллегами отмечал звания, должности, праздники и будни. Отсюда, целенаправленным и авторитетным сотрудником органов, не без протекции имени-

² Строки из стихотворения И. Сурикова «Детство»

того тестя уехал он семь лет назад на повышение в область.

Дмитрий вышел из машины и пересёк дорогу. «Возвращение блудного попугая»³ – вспомнилась ему ещё одна подходящая цитата. Отворяя массивную скрипучую дверь здания, Дмитрий пропустил вперёд двух патрульных, которые тащили в дежурную часть дежурного забулдыгу. Тот, повергая всё вокруг в дурман перегара, визжал:

– Не хочу я к Вам! Я сто раз здесь был, начальники!

«Как же я тебя понимаю», – подумал Нестеров.

Запах советской общественной бани из коридора, в который зашёл Дмитрий, никуда не делся и не денется ближайšie десятилетия. Меняются люди, кодексы, рожи на стенде «Внимание, розыск!», климат планеты, в конце концов. Но гнетущая атмосфера тёмных прокуренных помещений районного отдела внутренних дел – никогда. После смены места службы он был здесь всего раз в составе областной комиссии, собранной по случаю гибели начальника следствия Градобоева и скандала, связанного с его тёмными делами.

Сейчас же Нестеров надеялся поскорее встретить кого-нибудь из старых товарищей. Оперативный дежурный за стеклом был ему не знаком и разговаривал с кем-то по телефону с президентским акцентом, не замечая пришельца.

– Ты это в прокуратуру снеси, покажи, посоветуйся! Чего ты ко мне-то пристаёшь, Вова?! – до боли знакомый, хриплый бас звучал из глубины коридора, как прогоревший глу-

³ Название советского мультфильма (1984 г.)

шитель отечественной машины. Посылавший молодого опера к прокурору заместитель начальника отдела Александр Анатольевич Суходолов сам был, в сущности, отечественной машиной. Деталью большого механизма уголовного преследования и розыска. Уже несколько лет он грозился всем вокруг уйти на пенсию, не отдавая себе отчёта, что он единственный, кто этого по-настоящему боится. Два десятилетия в органах были написаны у него на лбу тремя Марианскими впадинами и никуда ветерана не отпускали. Через секунду Суходолов заметил старого товарища. При этом он вытянул вбок несуществующую шею, всматриваясь, и тут же протрубил, как положено:

– Вот это поворот! Сколько лет, сколько зим, Алексеич! Какие люди и без охраны! С проверкой что ли к нам, учить жизни опять? – грузный ветеран завозился навстречу Нестерову.

Высоченный Дмитрий распахнул руки для объятий, сделал вид, что приподнял старого товарища, когда тот причалил обниматься.

– Анатолич, Анатолич, всё жиреем? А ведь жалуешься на нервную работу, – Дмитрий искренне радовался, что Суходолов всё ещё в строю. Когда Нестеров начинал в органах, тот был заместителем начальника уголовного розыска. Открытый, честный и по-хорошему деревенский мужик, Суходолов много помогал молодому следователю в работе с людьми, делился контактами, хитростями, сплетнями. По-

степенно они сдружились на почве разумного безразличия к тяготам и перегибам службы, желания показывать результат без лишней суеты. Последний год друзья почти не общались, потому что выкрутасы личной жизни Нестерова полностью изменили привычный порядок вещей.

– Идём ко мне, заварим чайку, Алексеич! Сейчас расскажешь, когда прокурорские погоны обмывать будем. Мы тут уже всё знаем! – речь старого опера заплеталась от переизбытка эмоций, он вёл товарища лабиринтами отдела к своему кабинету, попутно здороваясь с другими сотрудниками. Суходолов начал на ходу что-то толкать про «своих людей во вражеском стане», но Дмитрий остановил:

– погоди, Анатолич, прогорело там с прокурорскими-то. Я вообще-то к вам в отдел пока, следачить буду.

Суходолов остановился, обернулся и развёл руки в стороны, брови подбросил повыше:

– Сюда?! Да ты заболел что ли? Ну вы даёте, областники... Давай тогда по порядку, заходи, располагайся, – они вошли в небольшой и напрочь прокуренный кабинет Суходолова. – Кофе или чай? Кофе, значит, сейчас-сейчас... Эх и удивил, Алексеич! Прикомандировали что ль? За какие грехи? Или всё-таки опять нас проверять надумали? – инспекцию трёхлетней давности Суходолов никак не мог забыть. Лично ему тогда еле-еле удалось избежать добровольно-принудительного увольнения.

Старые друзья присели за моментально организованный

фуршет из колбасы, кофе и пряников. В дверь сунулся было кто-то из сотрудников, но, увидев недовольные брови Суходолова, тут же испарился. Доверяя другу, Дмитрий вкратце рассказал, что трудоустройство в прокуратуру слетело из-за ссоры с женой Татьяной, по той же причине эта командировка в глушь. Впереди козни тестя, отставного генерала МВД, суд по расторжению брака, статус разведённого мужика и работа в отделении, откуда он с такими надеждами выпорхнул старшим лейтенантом юстиции.

– Так, значит. Такие разговоры на сухую не ведутся. Ты сейчас улаживай тут в кадрах, сходи к Трофимычу, а вечером жду обратно. Обольём немного ситуацию, так? – закуривая, произнёс Суходолов. При этом его бульдожье лицо стало категорически серьёзным, ведь разговор пошёл о личных проблемах товарища. В них он на трезвую голову не разбирался, поэтому серьёзное лицо казалось единственным правильным выходом в таких условиях. – А мне через десять минут краснеть на селектор⁴.

– Уговор! – у Нестерова мелькнула мысль, что будь рядом Суходолов в последние несколько месяцев там, в области, всё могло пойти иначе. Они накидались бы после работы в трудную минуту, а потом Анатолич, будучи сто лет женатым человеком и сторонником семейных ценностей (хотя, конечно, супруга Суходолова так не считала), обматерил бы

⁴ Селекторное совещание – вид совещания, участники которого взаимодействуют в т.ч. при помощи систем удалённой связи (видео, телефон и т.д.).

Нестерова крепчайшим образом и вытолкал мириться с Таней, как не раз бывало раньше здесь, в Нашинске.

Дмитрий допил кофе, огляделся ещё раз. Ему всегда нравился этот кабинет. На титаническом сейфе сидела кожаная обезьяна с сигарой («Моё альтер-эго» – шутил Суходолов), стены по плечо обиты светлой деревяшкой, на подоконнике египетской пирамидой сгрудились пожелтевшие груды бумаг неизвестного содержания. В шкафах с провинциальной гордостью красовались спортивные грамоты Суходолова примерно столетней давности, сувенирные фигурки полицейских и боксёров, советские книги на широкий разброс тем: кодексы, методички, атласы, карты и энциклопедии. Завершали картину портрет Дзержинского над рабочим столом, а под ним – наручники на гвоздике. Нестеров улыбнулся:

– Как был ты, Анатолич, волчарой, так и остался. Ну, чисто логово зверя!

– Век воли не видать, – заржал Суходолов, заталкивая окурок в забитую пепельницу. – Ты с жильём что решил? Могу договориться на комнату в общежитии, если на первое время. Позвонить?

– Ну и кабинетишко, барсучий случай. Это же раньше вроде как кладовая была? – Нестеров вместе с начальником

следственного отделения Иваном Трофимовичем Садких зашёл в тесное вытянутое помещение, которое теперь стало его рабочим местом. Бывшую кладовую, видимо, только недавно приспособили под служебный кабинет.

Нестеров всегда очень трепетно относится к виду из окна. Работать под энергичный шум проезжей части не одно и то же, что работать, наблюдая, к примеру, сонную опушку леса, считал он. В одном случае ты будто в бурном потоке жизни: зевать некогда, решения принимать нужно быстро, кто первый – того и тапки. В другом наоборот: ты будто сам деревянный, спокойно покачиваешь ветками на ветру, еле-еле что-нибудь исполняешь, а начальник дятлом нервно и бесполезно колотит по стволу, но от этого ничего не меняется.

В областном управлении МВД из кабинета Дмитрия на седьмом этаже открывалась шикарная панорама на главный собор и набережную. В ясные дни помещение заливало солнце, как на ладони приступал к дневной суете центр города. Знаменательный факт: летом к ним прибывали студенты-практиканты с юрфака, и почти каждый норовил сделать селфи в его кабинете. А в этой кладовой, сквозь созвездия погибших в паутине мушек, отлично просматривался угол прогулочного двора изолятора временного содержания и густая колючая проволока забора. Воняло собаками.

– Пришлось подвинуться из-за архива, – ответил Садких. Он лично не знал Нестерова, потому что раньше рабо-

тал в другом районе, а в Нашинск пришёл уже после убийства Дмитрия в область. В целом начальник отделения был добродушным пенсионером советской закалки, не в меру упитанным, неплохим дипломатом (что касается отношений с судом и прокуратурой), а также любителем сахара во всех формах. И сейчас у него в руках красовалась коробка с эклерами. Но первое, что отметил Дмитрий при встрече с новым начальником – подтяжки. Да, Иван Трофимович носил брюки исключительно на подтяжках, которые двумя рельсами пересекали титаническое пузо старика.

– Атмосфера концлагеря, да? – не унимался Нестеров, кивнув на окно. Он открыл форточку, бахнул свою кожаную сумку в колониальном стиле на пыльный стол, добродушно и снисходительно посмотрел на Трофимыча. Тот подвигал туда-сюда дверцу сейфа и ответил, не реагируя на сарказм:

– Дима, ты человек большой, образованный в нужном смысле. Ситуацию я твою уяснил и мешать ничем не буду. Делай мне показатель средний, как все, и будет отлично, – с этими словами первый эклер покинул коробку, – точно не хочешь моим заместителем?

Поедание эклера не помешало попрошайническим глазам Трофимыча внимательно обследовать лицо Нестерова в поисках хоть капли сомнения, но тот отрезал:

– Нет, мне сейчас категорически не до карьеры. Где нынче пообедать можно у вас? «Жигули» ещё работают?

Первые дни работы на новом старом месте полетели стремительно. Нестерова уважали за опыт, интерес подогревала и история личного характера, из-за которой он оказался в Нашинске, и про которую толком никто ничего не знал. Кто-то шептал, что он изменил жене. Кто-то выдумал, что она ему. Кто-то приплёл, что он брал взятки в управлении. Кто-то, наоборот, что в нужный момент оказался слишком честным. Была даже версия, что всю эту чушь специально придумывают, чтобы отвлечь внимание от главного – Нестеров, мол, засланный казачок, и на самом деле приехал собрать реальную информацию о работе полиции в Нашинском районе по чьему-то поклёпу.

Трофимыч на обеденном совещании понедельника представил Нестерова коллективу, накидал «новичку» несколько каверзных уголовных дел, запущенных другими следователями. Например, мошенничество цыганской фирмы, которая заключила договоры подряда чуть ли не со всеми пенсионерами города, взяла предоплату и теперь отчаянно изображала финансовые трудности.

Местные следователи, услышав такой перечень из мало-доказательных и сложных дел, не без злорадства предвкушали, как «звезда» уже к концу месяца начнёт захлёбываться в сроках. Но Дмитрий спокойно помечал что-то в ежеднев-

нике, и уже со второй половины первого дня работы допрашивал пару каких-то свидетелей, а вечером обошёл все подразделения отдела, собрал новые и возобновил старые контакты.

После работы они с Суходоловым наведались в излюбленное полицейскими кафе «Жигули». Заведение держало марку: в меру интимная полутьма, хиты шансона, обалденная солянка и скидки для сотрудников, которые владелец установил в обмен на оговорённые послабления со стороны органов. Несколько часов за крепкими напитками друзья обсуждали всё на свете. Старый опер, как ребёнок, только что вернувшийся из летнего лагеря, выкладывал товарищу все новости-старости, которые имели место за это время, а также несколько раз порывался позвонить жене Дмитрия, приговаривая: «Так не годится. У меня и похуже случаи бывали, но всё же обошлось».

На утро Суходолов с облегчением думал, что вчерашняя попойка означает возобновление дружбы в том долгожданном виде, в каком она была до отъезда Нестерова. А сам Дмитрий, несмотря на выпитое в «Жигулях» не потерявший способности к критике, за время застолья осознал, насколько же он всё-таки не здесь и головой, и сердцем. И не без горчинки отметил, что разговоры со старым опером тянут за собой скуку. Слава Богу, на столе не заканчивалось спиртное.

Следующим утром Нестеров занялся рабочим местом. Трофимыч с опасением и восхищением наблюдал, как тот

разобрал корпус служебного компьютера, извлёк оттуда губку спрессованной бурой пыли, снабдив это комментарием: «Заварим какао, Иван Трофимыч!», потом выгреб оттуда же остатки чьей-то трапезы («Вот, смотрите, чем до революции питались!»), канцелярских изделий и пустой пожелтевший бланк осмотра места происшествия («Ещё походит!»). Аналогичную операцию по просьбе Садких Дмитрий провёл с компьютером начальника. Трофимыч после увиденного ещё пару дней находился под впечатлением, рассказывая всему отделу про магические, с его советско-стариковской точки зрения, способности Нестерова по части общения с техникой. «Оживил мертвечину!» – ликовал Садких, оценивая скорость работы оздоровлённого компьютера.

Третий день ушёл у Дмитрия на допросы цыган-мошенников, и осмотр их документов, которые он в паре с Суходоловым с обыском выгреб из их так называемого офиса на окраине города.

Профессиональный подход Нестерова внёс в работу отдела сначала тревогу малодушия, потом свежесть соперничества. Местные следователи отмечали, как Дмитрий электровеником носится в течение рабочего дня, невольно и сами активизировались. Садких, периодически прохаживаясь по отделу с кофе и пончиком, задерживался возле кабинета «новичка», и с упоением слушал, как тот строго допрашивает людей, колотит вслепую по клавиатуре. Начальник размышлял, чем бы ему заманить Нестерова в отдел на посто-

янную работу. «Голова! Отчёт по месяцу, наверное, за десять минут набросает...», – очень уж хотелось Трофимычу постоянного и надёжного заместителя, каким был он сам при предыдущем руководителе отделения. В его понимании, правильный начальник – это что-то вроде конституционного монарха. А заместитель – это трудяга премьер-министр. Правильный начальник приходит на работу, заслушивает доклады премьера, заваривает чаёк с ликёром, принимает высоких гостей, вдумчиво беседует по телефону. За пару часов до окончания рабочего дня садится за партию в шахматы, а после шести задержится, только если дома гостит тёща. Но реалии отечественного следствия беспощадно топтали ламповые мечты старика, раздирая его между прокурором, областными умниками, судьями и жалующимися гражданами. Эти стрессы Иван Трофимыч заедал кондитерскими изделиями.

Ни начальнику, ни следователям было невдомёк, что на самом деле гиперактивная работа, которую показал им в эти дни Нестеров – это лишь способ забыться от не утихавшей внутри драмы.

Белая красотка-Ауди, как акула сквозь толщу океана, летела по загородной дороге. Водитель, парень лет двадцати пяти, активно кривлялся под хлёсткие биты модного испол-

нителя, наслаждаясь плавной стремительностью немецкого качества. Щедрость родителей в обмен на шикарно закрытую сессию позволила приобрести эту остромордую немецкую даму, что называется, с нуля. В голове парня уже рисовались смачные картины беззаботных каникул в родной провинции. В них он победоносно подъезжает к местному ночному клубу, красиво паркуется между тонированными вёдрами отечественного производства, надменно проходит к барной стойке. Процедура соблазнения самочек при этом упрощается до минимально возможного уровня. Блеск этих изящных форм кузова – это блеск его успеха. Эти строгие фары – это его глаза, взгляд сверху вниз. Эти чёрные цепкие шины – это его подошвы, готовые идти вперёд.

Впереди показался достаточно крутой изгиб основной дороги вправо с примыкающим слева поворотом на деревню Старая Роща. «Так-с, посмотрим, что у нас стабилизация может», – водитель приготовился пройти этот участок на скорости и проверить обещанные дилером преимущества электронных систем подвески. Дорога ровная и пустая, дело шло к ночи. Предвкушая приятное ощущение уверенного манёвра на скорости, которая вдавливают тело в удобное сиденье, парень небрежно положил руку сверху рулевого колеса, покидал взгляды на спидометр и вдруг над ухом раздался отворотительный мокрый хрип:

– **ЗДЕСЬ ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ, ДА?!** – машинально повернув голову на звук, водитель увидел вытаращенный, без-

жизненный, как у сушёной рыбы, глаз на бледном окровавленном лице возникшего из ниоткуда трупа. От этого невероятного и уродливого зрелища, с ушедшим в пятки сердцем, парень подскочил на сиденье, насколько позволил ремень безопасности, интуитивно дёрнулся от мертвеца в сторону двери. КТО ЭТО?! ОТКУДА ОН ЗДЕСЬ?

Но дёрнувшийся руль уже замотал по проезжей части мчавшуюся с большой скоростью машину. В следующую секунду водитель ударился головой об элементы салона, ещё миг – и машина полетела в кювет об деревья. Кузов после пары нелепых полу прыжков левым боком ударился о крепкую пожилую сосну, парень ещё миг побыл в сознании, в котором мерцал всё тот же вопрос: ОТКУДА ОН ЗДЕСЬ?

Нестерова съедало гнетущее чувство вины. Жена по-прежнему не отвечала на телефонные звонки, а ему очень хотелось ещё раз поговорить с ней, попробовать показать свой взгляд на всё, что между ними случилось. Ещё он очень скучал по дочери. Маленький человечек, похожий на него, но в тысячу раз милее, с глазами мамы, не выходил из головы, стоило только минуту побездельничать. Не счесть, сколько раз им просмотрено видео с её первого утренника в саду, куда они с женой пришли уже разводящимися, стараясь не подавать виду.

А сейчас дочка, наверное, в садике. Как всегда, красиво одетая маленькая куколка – что-то делает, гуляет, играет, уже ждёт, когда заберут домой. И скучает по папе, это уж точно.

Наступал очередной будний вечер. Все расходились по домам. Устав ходить туда-сюда по кабинету в невесёлых мыслях, Нестеров прилёг на диван, подтянув к нему служебный телефон. В эту ночь он первый раз дежурил в следственно-оперативной группе и потому остался в отделении до утра. Местные следователи обычно в нарушение правил и в этом случае уезжали домой, дежурили на телефоне. Нестерову уезжать было некуда.

По прибытии в Нашинск он по предложению Суходолова снял комнату в общежитии бывшего совхоза, как говорится «поспать и помыться», на окраине города в десяти минутах на машине. На большее это жильё не годилось. Он провёл там всего три ночи, но уже успел познакомиться – не добровольно, естественно – с несколькими аборигенами. Один раз разнял пьяную драку около двери своей комнаты, а ещё раз даже вызвонил участкового, чтобы тот прекратил низкочастотный шум во дворе по случаю дня рождения коротко стриженного авторитета в спортивной одежде. Рассохшиеся деревянные рамы комнаты Нестерова беспощадно сифонили, а запах подгоревшей пищи в коридорах здания был куда стабильнее, чем подача в него горячей воды. Так что теперь, ночуя в отделении, Дмитрий приходил к неизбежному выво-

ду, что оно более пригодно для проживания. Можно было снять и нормальную квартиру, но Нестеров сохранял веру, что он тут ненадолго. Что он обязательно найдёт путь к сердцам любимых двух девчонок, вернётся домой и все наладится.

Кабинет, где прилёг Дмитрий, следователи называли «лаунж»⁵. Окна здесь очень удобно выходили на парковку у отдела – всегда было видно, кто приехал и уехал. Штатно тут работали следователи Никитин и Калинин. Оба были Саша, оба не ахти какие работники, со слов Трофимыча – Чук и Гек. Разница состояла в фундаменте. Первый был потомственным юристом с генералами в роду, пах дорогим парфюмом и даже без зарплаты мог позволить себе ежедневно перед работой заезжать на автомойку и дегустировать бургеры тамошнего кафе, пока обсыхает кузов его белоснежного Мерседеса. Что он нашёл в этой службе с его-то возможностями, никто объяснить не мог. Считалось, что ему приятно быть тюльпаном среди кучи навоза. Калинин же был без роду, племени и амбиций, пах лапшой быстрого приготовления, потешал весь отдел неизменным коричневым свитером и ржавой «пятёркой» Жигулей. Они существовали взаимовыгодно. Тощий Калинин занимал у толстого Никитина деньги до зарплаты, и кредитор шутил, что одолжил ему уже столько, что тот мог бы купить семь разноцветных «пятёрок» на каждый день недели. Никитин же занимал у Калинина

⁵ От англ. lounge – гостиная.

время, периодически испрашивая у того подмениться в дежурство, допросить человека от его имени и тому подобное.

И вот, благодаря финансовым возможностям Никитина и его либеральным взглядам на службу, в этом просторном кабинете появился кожаный диванчик, кулер с водой, небольшая кофемашина, компактный холодильник и прочие удобства. Во время обеденного перерыва здесь собиралась «госдума», как называл это Трофимыч, и обсуждалось абсолютно всё – уголовные дела, кадровые слухи, нюансы женщин и автомобилей и шутки из Интернета. Тут отмечались все праздники и события следственного отдела. Запах еды и кофе никогда не выветривался из кабинета, о чём неустанно вслух трагедизировал вечно голодный Саша Калинин.

– Следствие, Нестеров, – неохотно с закрытыми глазами ответил Дмитрий, взяв на ощупь трубку разорвавшегося среди ночи телефона.

– Дмитрий Алексеич, здрасьте, выезжаем. Мертвец проснулся, – голос дежурного по ту сторону провода выдавал неподдельное и неуместное удовольствие. Нестеров поморщился и, зевая, спросил:

– Чего ты радуешься, Алёша? Сейчас с собой возьму, вместе посмеёмся.

– Нам не положено, Дмитрий Алексеич, я бы с радостью!

– А острить положено раньше времени? Который час?

– Без десяти два.

– Ты по-людски доложишь, на что едем? Мертвецы не по нашей части.

– Говорю же, проделки мертвеца! Разбилась белая иномарка на старороцинском повороте. Один водитель, пока без сознания, в реанимации. Группа внизу собирается, наша фронтовая «буханка»⁶.

– Ааа, ДТП, что ли? Ты, видимо, перегрелся там, Алёша, ну ладно... – Нестерова раздражало вольное поведение местного дежурного, потому что он привык к строгой дисциплине областного отдела и очень хотел спать. Явный бред про мертвеца он списал на специфику юмора молодого дежурного.

Алёшка был ему знаком. Он приходился двоюродным братом его жене. Студентом тот ходил к Дмитрию на практику, жил в небольшом посёлке недалеко от Нашинска. Сейчас числился то ли в патрульно-постовой службе, то ли в изоляторе временного содержания, но по нехватке штата регулярно исполнял обязанности в дежурной части. Наивный парень грезил карьерой в органах, запоем читал книжки по криминалистике, мучил торрент-трекеры документалками про советский сыск.

Нестеров потянулся на диване, размял шею и сел. По потолку бегали отблески синих огней дежурной «буханки»,

⁶ Буханка – народное название автомобиля «УАЗ-452».

где-то внизу хлопали двери. Дмитрий поднялся, включил свет, поставил телефон на место и проверил папку с документами. Потом долил из кулера кипятка в незаконченный с вечера кофе и закусил задубевший пряник. По спине россыпью ударил озноб, заныли виски.

Ему приснилось студенчество. Будто он готовил какие-то доклады на занятия по римскому праву. Но при этом был в форменной одежде, как сейчас. И чего он тогда на кафедре не остался после выпуска? Предлагали же. Сейчас бы учил студентиков с важным видом. А в армии почему не остался после срочной? Звали же. Сейчас бы гонял солдатиков туда-сюда и бока на столовских котлетах наедал. А в участках тут чего ему не сиделось? Просили же остаться. Сейчас бы пьянчужек гонял на районе и ходил бы важный, как хрен бумажный. Нет же, нам надо в следствие. Эх, Дима Дима, куда тебя несёт. Ладно, отставить уныние. Когда же он последний раз ДТПшку расследовал? Давненько. Телефон позвонил ещё раз, дежурный сказал, что все окончательно в сборе и ждут Нестерова.

– Иду, иду, давай... – опрокинув в себя кофе, следовательно вышел из кабинета.

– Яша, ты уже второй сегодня, кто мне про мертвеца сказки рассказывает. Ты объясни толком, чего вы имеете в ви-

ду? – Дмитрий, откусывая припасённое яблоко, вопросительно смотрел на эксперта из недр необъятного служебного тулупа, который нашёл в УАЗике.

Яков Черепанов, старший эксперт-криминалист, работал с Нестеровым ещё до повышения. Они были хорошими приятелями, придумали даже друг другу прозвища, с той разницей, что Нестеровское «Ящерица» к Черепанову прилипло моментально, а ответное «Наполеон Нашинский» для Нестерова знал только Яша. Ничего обидного, кстати, в слове «Ящерица» не было. Черепанов был мастером дать в экспертизе такие выводы, будто ты ловил-ловил зверя, а в заключении у тебя оказался бесполезный хвостик.

На вопрос Дмитрия про мертвеца Черепанов ответил с поучительным энтузиазмом:

– Это же наша местная легенда! Как ты можешь быть не в курсе, в области же работал!

– Извиняй, Яков, там не было отделов по борьбе с привидениями.

– В общем, наверное, через год после твоего повышения, осенью случилась авария на том повороте, куда сейчас едем. Как рассказывал свидетель, водитель фуры, за ним шла белая иномарка. А со стороны Старой Роши катился велосипедист с малолетним на багажнике. Водитель легковушки пошёл на обгон, их не заметил и снёс в кювет. Взрослый-то ещё помучился, а ребёнок наглухо. Виновник тормозить не стал, скрылся. В общем, глухое ДТП. Искал-искал тогда Женька

Кареев виновника, шумиха была серьёзная, но всё впустую, видимо злодей был проездом... Чего плюёшься-то?

– Да яблоко наполовину гнилое попало... Если уж Кареев не раскрыл, значит, действительно глухарь. Приостановлено?

– Дело-то? Наверное.

– А дальнобойщик тот где сейчас?

– Да он вообще издалека, откуда-то из Сибири.

– Ладно, а мертвец при чём здесь?

– Погоди. После аварии месяца через два-три убили там парень на белой Мазде, слетел в тот же кювет. Потом ещё двое не справились с управлением, но выжили. Оба на белых: Тойота и БМВ. На четвёртом, спустя два года, мы уже поняли, что есть какая-то закономерность. Четвёртый разбился там же, остался инвалидом и на допросах нёс полную чушь про странные ощущения, холод по коже, и блики в глазах, из-за которых, мол, потерял ориентацию на повороте и его, внимание, белый Фольксваген не вписался в траекторию со всеми вытекающими. Его даже осудили за гибель пассажира. Уж там потом и знаки установили, что опасный участок, и мониторили статистику прошлых лет, но до того осеннего ДТП с двумя трупами за двенадцать лет ни одной аварии. Вот и думай.

– Бред...

– Ну хватит, бред сразу. Тогда почему бьются только на белых машинах со столичными номерами? Все – иномар-

ки, на одном и том же участке. Все исправные. По крайней мере, насколько это возможно проверить после ДТП. Хочешь, не хочешь, а поверишь во что-то потустороннее. Повисло там какое-то зло неуспокоённое.

– Яша, всё! Заканчивай. Сейчас у нас то же самое, да?

– Да.

– Я тогда сразу «отказной» выпишу без экспертиз и опросов. Напишу «во всём виноват призрак».

– Ладно. Поймёшь. Я сам ржал над нашими суеверами, пока не ознакомился поближе с ситуацией. Я тебе ответственно говорю: ни одна белая иномарка на столичных номерах там проехать не может!

Машина тем временем прибыла на место аварии. Нестеров вышел на улицу, поздоровался с инспектором дорожно-патрульной службы, потянулся. Яркие звезды на безоблачном небе составляли красивую панораму, луна большим куском надкушенного сыра изо всех сил старалась подсветить обстановку.

– Красотища! Ну чего у нас тут?

– Идём смотреть. Местные позвонили, когда с окраины увидели пыль столбом, – инспектор отправился к месту аварии.

– Свидетелей нет?

– Прямых нет. И в салоне он один был. Типичный случай. Наверное, в курсе? Никаких причин для аварии, – инспектор продирался сквозь кусты к смятому кузову белого седа-

на и уверенно намекал на потусторонний фактор. – Но есть плюс – видеореги­стратор.

– И ты туда же. Что ж тут камеры-то не повесите? Может это серийный маньяк, которого возбуждают водители белых машин? – Нестеров был порядком раздражён из-за разговоров о призраке, начинал распалиться. – Можно передачу «Мир экстрасенсов» сюда пригласить, там такое любят.

Шедший следом Яша критически покачивал головой, приговаривая: «Эх и Фома неверующий».

– Телевидение, кстати, уже было, – продолжал тем временем инспектор. – Сюжет называется «Старорошинская дорожная аномалия», можешь в сети найти. А камеры повесить мы только за, но не нам решать. Да и деньги все умеют считать. Ты с бесовщиной не шути. Сейчас водитель очухается, такого тебе порасскажет, мама не горюй, уж будь уверен.

– Если всё именно так, то где известность на всю страну, толпы туристов, научные исследования?

– Да кому оно надо. Говорю же – сюжет сняли и всё. Да и то нехотя. Хайпа⁷, говорят, маловато. К тому же, строго говоря, никто не засекал каждую машину. Может и проехала белая иномарка пару раз целая и невредимая через поворот, пёс его знает.

Остаток ночи Нестеров провёл на месте аварии, оформляя происшествие. Под утро он вернулся в отдел и свалился

⁷ Хайп – здесь степень ажиотажа, которую может вызвать обсуждаемое явление в обществе.

на диванчик в «лаунже». Благо, больше вызовов не поступило, и он уснул без задних ног, согревшись под массивным тулупом, который утащил из служебной «буханки».

Видеорегистратор, изъятый из разбитой машины, ничего интересного не показал. Машина едет до поворота, там резко уходит в сторону и оказывается в кювете.

Поэтому Нестерова очень обрадовал звонок из больницы через пару дней. Главный врач сообщил, что водитель, разбившийся в ночь дежурства, пришёл в себя и достаточно окреп для беседы. Нестеров стремительно прибыл к больнице, разыскал там очнувшегося и с разрешения врачей зашёл в палату.

– Здравствуйте, я – следователь Нестеров. Можно с Вами поговорить?

– Здравствуйте, а по поводу? – парень был ещё плох, говорил тихо, но уверенно.

– По поводу аварии. Мы обязаны прийти к какому-то выводу о её причине, даже если пострадавших, кроме Вас, нет. Расскажите, протокольчик заполним?

– Давайте попробуем.

– Начинать, а я спрошу, если надо будет что-то дополнить.

– Я ехал один на своей машине, которую купил в прошлом

месяце. Покупал в салоне, новую. Там же зарегистрировал, все документы в порядке. Ехал домой в Зареченск. После Нашинска ехал уже в ночи, всё было нормально...

– Автомобиль, соответственно, полностью исправен был?

– Да, сто процентов, новая машина. На повороте на какую-то деревню мне показалось, что в салоне кто-то есть.

Нестеров внимательно посмотрел ему в глаза. Водитель нахмурился и насторожился:

– Не уговаривайте только, что такого не может быть. Я сейчас уже и сам сомневаюсь, нормально ли у меня с головой. Но насколько помню, кто-то спросил, опасный ли это поворот.

– Не могло это прозвучать по радио?

– Это точно не радио, на тот момент музыка играла, как сейчас помню «Золотая карусель»⁸ в ремиксе. А ещё запах такой вдруг появился, будто мясо протухло. И озноб немного хватал, но я значения не придавал. Причём, до этого на климате выставил температуру комфортную, тёплую. Даже мысль крамольная проскочила, мол, машина новая, а климат уже что-то чудит. Но этот хрип с вопросом про поворот, это точно было.

– Состояние здоровья на начало поездки?

– Нормальное.

– Алкоголь когда последний раз употребляли?

– Давно, в конце июля у друга днюха была.

⁸ Песня А. Пугачёвой (1987 г.).

– Ещё какие-нибудь вещества?

– Никогда вообще.

– Ну, Вы же понимаете, что в таком случае это очень необычно.

– Это настолько необычно, насколько вообще возможно.

Но это ещё не все. Как только раздался этот хрип, я кое-что увидел, – водитель замолчал и уставился в окно.

– Что увидели? И где?

– Давайте это не будем писать, а то я боюсь, меня признают каким-нибудь невменяемым.

– Хорошо, – кивнул Нестеров, демонстративно отложив бумаги и ручку на тумбу.

– Вы поймите, мне всё это очень неловко, но вроде как в салоне мне привиделся труп.

Нестеров молча смотрел в глаза парню. На сумасшедшего тот был не похож. Вспомнились слова ГАИшника, что «...водитель очухается, такого тебе порасскажет, мама не горюй, уж будь уверен». С другой стороны, судя по количеству забинтованных частей тела, тряхнуло парня не слабо.

– Описать сможете?

– Не буду. В целом только. Ободранный, в крови и одного глаза нет. Я вот уже сейчас по глазам вижу, что Вы мне не верите! Это точно не психушка? – водитель очертил палату взглядом. – А то может, упекли уже, пока в отключке был... Я после этого случая спать нормально не могу, перед глазами постоянно это чудище.

Нестеров заверил водителя, что не считает его психом, пытаясь добиться развёрнутого рассказа про то, что было в салоне. Но тот упорно считал, что дальнейшие откровения приведут в психиатрическую больницу на постоянное место жительства. В итоге следователь уточнил другие, более безобидные детали и составил объяснение с обобщёнными формулировками вроде «не правильно избрал скорость и траекторию движения, не учёл погодные условия» и прочее, попрощался с пациентом, спустился вниз на крыльцо больницы. Он прокрутил в голове всё, что знал о душевнобольных, понаблюдал за суетой больничных работников и пациентов. Когда рядом закурил какой-то эскулап, Нестеров поймал себя на мысли, что его вдруг потянуло стрельнуть у того сигарету и тоже подымить, хотя курить Дмитрий бросил несколько лет назад.

Несмотря на рациональность мышления, Нестерова заинтересовала тема аномально высокой и удивительно избирательной аварийности на повороте у Старой Роши. Прежде всего, он приехал туда как-то вечером после работы, внимательно осмотрел местность, несколько раз проехал туда-сюда на своей машине, набрал в одну из попыток почти 130 км/ч. Его внедорожник, достаточно высокий и не отличавшийся обтекаемостью, протащило в заносе сравнительно немного. На этом Дмитрий практические опыты решил остановить. Факт налицо – его не первой свежести джип устоял на высокой скорости на изгибе дороги, а несколько иномарок из раз-

ряда «люкс» улетели в кюветы по обе стороны проезжей части.

Вторым шагом стало изучение всех случаев ДТП на повороте. Как-то раз в своё дежурство после ухода коллег домой, Нестеров покопался в компьютере Садких, потом взял ключи от архива и собрал нужные материалы. Из целого ряда аварий уголовное дело возбудили только раз – когда погиб пассажир, а водитель выжил, получив тяжёлые травмы. Из копий допросов водителя Нестеров узнал, что тот упорно не признавал вину. Обвиняемый последовательно сообщал о выкатившемся на дорогу велосипеде, которым управлял то ли сильно избитый, то ли наряженный в зомби человек. «Тоже бред нёс, почти как мой перебинтовыш», – думал Нестеров. Экспертиза тогда признала водителя вменяемым. Разыскав копию решения суда по делу, Дмитрий узнал, что и там водитель не отказался от своих слов, но был осуждён. Его показания о призрачном велосипедисте судья счёл оригинальным способом защиты, но отверг.

Остальные случаи так и остались «отказными». Где-то по причине смерти виновного водителя, а где-то никто, кроме водителя, и не пострадал. Алкоголь в крови имел место только в одном случае, да и то ничтожно малая доза. За пять километров до злосчастного поворота имелся куда более сложный участок дороги, а именно крутой изгиб на мосту с вечно разбитым покрытием. И на нём многие годы не случилось ни одного ДТП.

В общем, изучение материалов только добавило вопросов. Ни шины, ни тормоза, ни погода, ни состояние водителя, ни другие участники дорожного движения – не было ничего, что могло настолько повлиять на аварийность. Читая всё это, Дмитрий вспомнил, что пару лет назад слышал что-то про аномалию в Нашинском районе, но тогда абсолютно не придал этому значения.

В подтверждение мистической версии, в которой были уверены местные, Нестеров увидел во всех материалах фотографии покореженных белых иномарок со столичными номерами. Выводы экспертиз сообщали об исправности машин.

Потом он посмотрел ТВ-сюжет, о котором рассказал гаишник. Интервью с немногими выжившими водителями изобиловали фразами: «стало очень холодно», «запахло сероводородом», «показалось, что под колёса кто-то бросился», «причудился велосипедист прямо на дороге». Как и положено в сети, люди в комментариях к видео разделились на сторонников мистики и её противников, старательно поливая друг друга словесными помоями. Далее Нестеров долго читал научные и не очень сайты, где различные люди толковали про влияние цвета на судьбу предметов. «Хорошо, цвет цветом, а номера тут при чём тогда?!» – Дмитрий в этом маленьком личном расследовании близился к капитуляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.